

Движение в японском языке: объектное понимание глагольных аргументов

Стрижак Ульяна Петровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва);
ustrizhak@hse.ru

В рамках изучения японской агентивности возникает вопрос, почему в японском языке, который в целом склонен проявлять нетранзитивные свойства, движение оформляется аккузативно, что значительно повышает общую агентивность высказывания. Учитывая, что в семантике глаголов движения отсутствует эксплицитно выраженная прямая передача действия на объект, объектное оформление глагольных аргументов в описании передвижения требует более пристального рассмотрения с точки зрения соответствия прототипической транзитивной модели. В работе анализируется статус японского «аккузатива перемещения» в его формальном и семантическом толкованиях, а также рассматривается когнитивный фон объектного представления пространства в японском языке; выделяется объектное и обстоятельственное понимание движения и определяется степень выраженности у них объектных признаков. Выдвигается и обосновывается гипотеза, что, в отличие от европейских языков, которые обозначают пространственный ориентир, разделяя место и деятеля, японский язык побуждает человека отождествить себя с присваиваемой территорией. В результате обнаруживается, что формальное единообразие локативных и объектных формул не всегда равно семантическому: иногда движение интерпретируется локативно, иногда это не более чем описание обстоятельств. Таким образом, представляется возможным частично исключить локативные структуры из поля агентивности в силу их несоответствия прототипу переходной модели даже при формальном соответствии транзитивным структурам и, следовательно, рассматривать японские конструкции движения как низкоагентивные или полностью неагентивные.

Ключевые слова: аргументы глаголов движения, локативные конструкции, объектные признаки, агентивность, японский язык, актантное распределение

MOVEMENT IN JAPANESE: OBJECTIVE UNDERSTANDING OF THE VERB ARGUMENTS

Uliana P. Strizhak, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow); ustrizhak@hse.ru

The study of Japanese agentivity leads to the debatable point of why Japanese, which mainly follows a non-transitive model, demonstrates accusative case marking for the motion, resulting in the increased overall agentivity of the utterance. Since the semantics of the motion verbs lacks an explicit direct transfer of the action to the object, the object marking of Japanese locatives in the description of motion requires closer consideration as to whether they are a prototypical transitive model. This article analyzes the status of the Japanese “movement accusative” in its formal and semantic interpretation and examines the cognitive background of the accusative representation of space in Japanese. The objective and adverbial understanding of movement is singled out and their objective features are determined. In describing the cognitive background of the representation of the motion in Japanese this article puts forward and substantiates a hypothesis that European languages usually designate a spatial landmark as an action platform thus separating the place and the actor, while Japanese encourages a human to identify himself with the assigned territory. As a result, the Japanese formal unity of locative and object formulas does not mean that they are always semantically equal: in some cases, movement can be interpreted either as focusing on a locative object or it is nothing more than a description of circumstances. Consequently, it seems possible to partially exclude locative structures from agentivity due to their discrepancy with the prototypical transitive model, even if they formally correspond to transitive structures. Therefore, some Japanese motion constructions can be considered as low-agentive or completely non-agentive.

Keywords: motion verb arguments, locative constructions, object features, agentivity, Japanese language, argument distribution

Статья подготовлена при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ «Высшая школа экономики» в 2021 г. Автор выражает благодарность анонимным рецензентам статьи за ценные замечания по содержанию работы.

Введение

Глаголы движения описывают самостоятельно осуществляемое или каузируемое изменение положения в пространстве, т. е. процесс перемещения из одной точки в другую; исходя из этого, в данной работе мы принимаем термины *движение* и *перемещение* за синонимичные, следуя определению Е. В. Рахилиной: глаголы движения — это «глаголы, в семантическое представление которых входит смысловой компонент ‘перемещаясь, перестать находиться в некотором месте’ и/или ‘перемещаясь, начать находиться в некотором месте’» [Рахилина 1990: 91]. Японские глаголы движения обладают ярко выраженными лабильными свойствами; соответственно, и первый, и второй варианты передвижения в пространстве синтаксически могут быть представлены разными способами: обозначение передвижения по маршруту оформляется аккузативно с помощью послелога *wo*, а для обозначения ненаправленного движения в японском языке есть универсальный для многих языков набор служебных элементов, описывающих динамический аспект пространственных отношений, причем многие глагольные предикаты движения допускают оба варианта управления, например: глагол *tobu* ‘лететь’ управляет соответствующим аргументом как объектно: *sora wo tobu* в значении ‘лететь по небу’, так и локативно: *sora de tobu* ‘лететь в небе’; при этом послелог *de*, обычно обозначающий локативную группу при активном глаголе, придает высказыванию оттенок свободного перемещения в пространстве без следования определенному курсу. Изучение разграничения аккузативного и других видов оформления движения не является задачей данной работы, и мы будем рассматривать случаи употребления директивного, локативного, предельного, аблативного и прочих пространственных послелогов только в сопоставительном аспекте для понимания сущности объектного представления движения в японском языке. Таким образом, обозначим главный вопрос исследования: выражает ли аккузативное оформление глагольного аргумента с семантической ролью Места¹ его объектную природу или в данном случае речь идет о двух разных падежах и падежное оформление передвижения в японском языке имеет характеристики, не свойственные прототипически аккузативному. В зависимости от ответа на этот вопрос мы сможем судить о степени агентивности японского языкового представления процессов передвижения.

Следует отметить, что среди лингвистов нет единой позиции по вопросу о семантическом статусе аккузатива при глаголах передвижения. Так, А. Б. Летучий подчеркивает дробность членения поля движения и разнородность глаголов движения, которые «захватывают и агентивные, и пациентивные ситуации; с этим связано двоякое поведение языковых систем» [Летучий 2013: 196]. Проблема определения границ переходности в контексте движения актуальна для многих языков — в типологическом освещении роль семантических признаков в выборе актантной рамки двухместных глаголов, в том числе глаголов движения, рассматривается в проекте BivalTyp² под руководством С. С. Сая. В сборнике по итогам этого проекта [Сай (ред.) 2018] анализируются вопросы диахронического развития падежного варьирования в оформлении движения в прапермском и современном коми-зырянском языках [Сергеева 2018: 339—340]; влияние морфологических признаков актантов (род) на выбор актантной рамки в описании процессов движения в цыганском языке [Кожанов 2018: 228]; сложность отнесения локативных участников к определенному актантному классу в японском языке [Конума 2018: 441—442, 447, 453] — данные, полученные Ю. Конума, подтверждаются и дополняются в настоящей статье; семантически обусловленная необходимость введения дополнительных участников в синтаксические локативные структуры китайского и других языков [Сай (ред.) 2018: 36; Колпачкова 2018: 464—465] (последнее актуально и для японского языка и будет рассмотрено ниже); привлекаются материалы арабского, башкирского, итальянского, тувинского и других языков. В описании предварительных итогов типологического исследования подчеркивается важность учета таких семантических компонентов, как пространственная относительность движения к ориентиру или от него, избегание контакта, конкретность физического значения, выражаемого предикатами движения, и т. д. [Сай (ред.) 2018: 569—570], значимость которых будет рассмотрена и в ходе нашей работы.

Источником языкового материала данной статьи послужил японский веб-корпус Tsukuba (TWC), разработанный совместно Национальным институтом японского языка и лингвистики (NINJAL) и Ин-

¹ В данной работе мы будем следовать традиции Московской семантической школы выделять семантическую роль *Места* и понимать ее широко, включая вслед за Ю. Д. Апресяном в это понятие начальную и конечную точки движения, источник, маршрут и т. д. [Апресян 1995: 125—126, 130].

² Проект BivalTyp под руководством С. С. Сая <https://www.bivaltyp.info/>, посвященный анализу моделей кодирования актантов двухместных предикатов в 78 языках различной генеалогической и ареальной принадлежности. Автор выражает благодарность рецензенту за предоставленную ценную информацию о данном проекте, позволившем более полно изучить особенности оформления глаголов движения в типологической перспективе.

ститутом языка Лаго (1,1 млрд слов) с соответствующей системой поиска NINJAL-LWP for Tsukuba Web Corpus³. Некоторые примеры были предоставлены и интерпретированы информантами — носителями языка⁴; при этом такие примеры в большинстве случаев также подвергались корпусной проверке, что позволяло верифицировать, дополнить или подвергнуть сомнению отдельные трактовки. Существующие на сегодняшний день корпуса японского языка синтаксически не аннотированы, что предопределило поиск данных в корпусе по отдельным лексемам, а примеры их сочетаемости и падежного оформления отбирались вручную методом сплошной проверки. Кроме того, для иллюстрации некоторых теоретических положений в работе заимствованы примеры из японоязычной научной литературы, которые впервые в японистике рассматриваются и систематизируются с целью определения природы объектного оформления локативных участников в японском языке.

В отечественной лингвистической литературе японские глаголы движения впервые были описаны в исследовании И. И. Басс, посвященном выявлению в них элементарных смыслов и упорядочиванию данных семантических элементов в рамках японских синтаксических структур, в частности путем выделения и структурного описания таких характеризующих признаков, как контактность, удаленность и т. д. [Басс 1973: 4, 6—9]. В недавних трудах поле движения освещено в работе М. В. Дуровой, выполненной в рамках структурно-семантического подхода, где выделяется несколько пространственных моделей японского языка с разделением по типу перемещения, наличию каузативного компонента и т. д. [Дурова 2016], а также в исследовании А. А. Кузнецова, где глаголы движения *iku* и *kuru* рассматриваются как андатив и вентив в их грамматикализованном варианте с учетом семантической нагруженности — здесь в описании структурных характеристик уже затрагиваются аспекты эмпатии, вовлеченности, степени персонификации субъекта и т. д. [Кузнецов 2020]. В японоязычном исследовательском поле процессы движения анализируются в тесной связи как с семантической наполненностью предикатов, так и с учетом синтаксической структуры локативных высказываний [Сугимото 1995; Миякэ 1996; Суми 2003; Хо 2003; Като 2006; Накао 2012 и др.]. Выделяются три основных типа процессов: 1) передвижение, обозначаемое термином *idou*, — исходя из содержательной наполненности морфем, такой тип можно определить как ‘процесс, акцентирующий изменение местоположения в пространстве’; в данной работе мы будем широко понимать этот термин как направленное движение, относя сюда все подвиды, связанные с какими-либо точками отсчета: исходное, директивное, де- и адлокативное и т. д., например: *ie wo deru* ‘выйти из дома’; 2) передвижение *keiro* как ‘процесс, акцентирующий наполненность движения’ (морфемы *путь* и *испытать в полном объеме*), под которым мы будем подразумевать замкнутое ненаправленное движение с отсутствием указания на результативное пересечение Места, например: *kankouchi wo tawaru* ‘обойти достопримечательности’; 3) передвижение *tsuuka* со значением *проходить сквозь* и с соответствующим акцентом на пересечение границ, которым мы будем обозначать ‘процесс сквозного движения’, например: *hashi wo wataru* ‘пересечь мост’ (наличие у объекта *мост* точки входа и выхода).

В целом японские исследователи сходятся в категоризации и обозначении видов движения, но единство по вопросу объектного статуса аккузативно оформленных пространственных ориентиров до сих пор не достигнуто. С. Като отмечает, что в японском языке «есть признанный стандарт оформления движения, но в рамках этого стандарта понимание Места как объекта очень вариативно, что обуславливает наличие неоднозначно интерпретируемых локативных дополнений и сложность их классификации» [Като 2006: 180]. Например, в ранних работах Т. Сугимото подчеркивается, что глагольный аргумент движения в пространственных конструкциях не является в строгом смысле объектом, а представляет собой особый актант, обслуживаемый «падежом движения» [Сугимото 1995: 121]. При этом указывается, что некоторые виды перемещения в пространстве — например, делокативный вариант, связанный с выходом из исходной точки, — «близки по своим характеристикам к транзитивной модели отражения действительности за счет полной вовлеченности локативного актанта в динамический процесс передвижения» [там же: 120]. В работах этого и других японских авторов, постулирующих необъектную сущность аккузатива, приводятся следующие доказательства такой позиции. Во-первых, в описании движения разрешается использование двойного аккузатива, что доказывает разность грамматической сущности двух объектно оформленных аргументов. Информанты-носители в комментариях к нижеследующему примеру отметили, что в случае глаголов движения двойной аккузатив допустим, т. к. «это два разных по сути своей объекта»⁵:

³ См. <https://nlb.ninjal.ac.jp/>

⁴ Автор выражает благодарность информантам — носителям японского языка профессору И. Камэяма (Институт иностранных исследований, г. Нагоя, Япония), доценту Ё. Аракава (СПбГУ) и старшему преподавателю Х. Абэ (Школа востоковедения НИУ ВШЭ) за помощь в предоставлении и интерпретации примеров.

⁵ Примеры и их интерпретация, включая определение степени допустимости того или иного высказывания, если не указано иное, были предложены информантами — носителями японского языка.

- (1) a. *Taro wa Hanako wo toori wo hashiraseta.*
 Таро TOP Ханako ACC улица ACC бежать.CAUS.PST
 ‘Таро заставил Ханako бежать по улице’.
- b. **Taro wa Hanako wo atama wo nagutta.*
 Таро TOP Ханako ACC голова ACC ударить.TR.PST
 ‘Таро ударил Ханako по голове’.

В (1b) и Ханako, и голова являются прямыми объектами, что исключает использование двойного аккузатива по правилу *nijuu taikaku seigen* ‘ограничения на двойной объектный падеж’, введенному С. Харада в 1973 г., а первый вариант с разными семантическими ролями (Ханako — объект, улица — Место) демонстрирует допустимость подобных конструкций, что доказывает отличие локативного дополнения от объектного по своим грамматическим характеристикам, хотя примеры такого употребления встречаются относительно редко. Проведенная нами корпусная проверка каузативной формы предиката *hashiru* ‘бежать’ показала, что из 6444 вхождений только в 53 случаях встречается аккузативное оформление двух объектов, один из которых обязательно имеет семантическую роль Места: или в прямом значении (заставить бежать / пустить что-л. по дороге, берегу реки, рельсам, поверхности воды, крепостной стене и т. д.), или в обстоятельственном (запустить свет в вакуум, пустить машину в ночи или джип сквозь песчаную пыль и т. д.), — эти типы локативных участников будут рассмотрены далее. Также представляется возможным расширить указанное выше ограничение до запрета на биаккузативное оформление двух актанта с ролью Места (как и с любой одинаковой семантической ролью), например:

- (2) a. *Fukitsukeru yuki no naka wo hitoke no nai michi wo susundeita.*
 продувающий снег GEN внутренность ACC безлюдный дорога ACC продвигаться.PROG.PST
 ‘Продвигались сквозь продувающий со всех сторон снег по безлюдной дороге’.
- b. **Kootta yuki no naka wo jizen ni kimete oita ru:to wo susundeita.*
 замерзший снег GEN внутренность ACC заранее определенный путь ACC продвигаться.PROG.PST
 ‘Продвигались сквозь замерзший снег по заранее определенному пути’.

В (2a) *fukitsukeru yuki* ‘снег, заносающий порывами ветра человека’ со всех сторон и мешающий продвижению вперед, рассматривается как обстоятельство и может быть назван «событийным аккузативом», где содержательно близкая к обстоятельствам именная группа служит фоном для происходящего, а сочетание *kootta yuki* ‘замерзший, заледенелый снег’ в (2b) в силу своей физической оформленности принимается за Место. За счет данной разницы в семантике именной группы *снег* вариант (2a) допускает двойной аккузатив, а в (2b) нарушается правило запрета двойного аккузатива, т. к. и фрагмент пути в виде участка из заледенелого снега, и основной маршрут являются актантами с семантической ролью Места. При этом в случае исключения одного из таких актанта в (2b) предложение признается грамматичным: *Kyokuchi chousagun wa kootta yuki wo susunda* ‘Полярная экспедиция продвигалась по замерзшему снегу’ [Като 2006: 142—143]. Такие же примеры обстоятельственного контекста передвижения с допущением двойного аккузатива приводит Ю. Накао: *odayaka na haru no hi no naka wo kouen wo sanpo shita* ‘гулял по парку в теплый весенний день’ или *hitogomi no naka wo mise wo deta* ‘выбрался из магазина через толпу людей’ [Накао 2012: 83].

Вторым доказательством необъектности аргументов глаголов движения может служить тот факт, что локативные конструкции в большинстве случаев не проходят проверку на пассив: аккузативно оформленное Место преимущественно не допускается на позицию субъекта в страдательном залоге, хотя М. Сибатани и приводит подобные примеры: *ryoukui wa gaikokuki ni tobarete iru* ‘воздушное пространство *пролетает* иностранным самолетом’; *yamatichi wa hito ni arukarete iru* ‘горная дорога *проходима* пешком людьми’ (цит. по [Сугимото 2009: 10]). При этом корпусные данные показывают в основном гоноративное употребление пассивных форм японских глаголов движения за редким исключением непосредственно пассивного значения, типа: *Mukashi wa yoku arukarete iru michi mitai* ‘Похоже, что эта дорога в древности была часто *ходима* (букв.)’. В сопоставительном исследовании японского и китайского языкового материала [Ё 2004: 131—132] приводятся и другие способы проверки локативного дополнения, обнаруживающие, что в некоторых случаях аккузативно оформленное Место ведет себя как объектный аргумент: в потенциальных и дезидеративных конструкциях *tekkyou wo wataru* ‘перейти мост’ → *tekkyou ga watareru* ‘возможно перейти мост’; при субстантивизации: *oka wo noboru no ga hajimaru* ‘начинается восхождение’ → атрибутивное *oka no nobori ga hajimaru* по аналогии с *kankokugo wo benkyou suru* ‘изучать корейский язык’ → *kankokugo no benkyou* ‘изучение корейского языка’ и т. д. Очевидно, что этот вопрос требует дальнейшего изучения и дополнительного привлечения иных диагностических контекстов.

Некоторые японские исследователи отказывают аккузативному послелогу *wo* в его локативной функции в статусе полноценного падежа, называя его «внутренним показателем», т. к. действие замыкается в себе, чего требует непреходная модель [Сугимото 2009]. Ю. Накао также утверждает, что локативная именная группа при глаголах движения может быть интерпретирована как обстоятельство, в которых происходит действие; С. Като приравнивает обстоятельственный вид аккузатива к наречной интерпретации оформления акта движения, говоря о семантическом тождестве двух синтаксических вариантов типа *fubuki no naka wo / fubuki no naka de ririku suru* ‘взлететь в условиях сильной метели’ [Като 2006: 141, 143] (похожую трактовку дает И. А. Невская в изложении ситуации выбора между винительным и неопределенным падежами на материале тюркских языков Южной Сибири, где указывает на «характеризующий оттенок (...) имени пространства» в описании локативов, близких по семантике к обстоятельственным актантам [Невская 2005: 110]). Показательно, что в определении сути объектности в своих более поздних работах Т. Сугимото дискутирует с собой ранним и, хотя и продолжает подчеркивать функционально-семантическое различие разных вариантов употребления аккузативного *wo* при его формальном единстве, отмечает, что развившийся за эти годы когнитивный подход актуализирует обнаружившуюся семантическую близость аккузативных показателей объекта и Места [Сугимото 2009], и предлагает рассматривать локативное *wo* как частный случай объектного. Ю. Накао также выделяет локативное *wo* как подвид объектного [Накао 2012], при этом относит к объектному употреблению *wo* только те случаи, когда пересекаемое пространство воспринимается как цельный объект, имеющий границы. Иные случаи передвижения определяются им как близкие к обстоятельственному оформлению действия: *gouin no naka wo hashiru* ‘бежать под проливным дождем’. К этому положению мы вернемся в последующих разделах.

Таким образом, общий массив японских исследований по проблеме аккузативного оформления движения можно условно разделить на две группы, первая из которых выделяет специальные, омонимичные объектному *переместительный* падеж *idoukaku* или *локативный* падеж *bashokaku*, что соответствует формальному толкованию в падежной теории, не допускающему наличия двух одинаковых падежей с разной функциональной наполненностью (указанная интерпретация сути падежных показателей взята нами из [Зализняк 2002: 614—615]). Представители второй группы частично приписывают непреходным глаголам переходные свойства, обозначая глаголы движения как *tadouteki-jidoushi* ‘переходно-ориентированные непреходные глаголы’, — иными словами, придерживаются семантического подхода к пониманию падежа как «элемента смысла», когда один и тот же падеж может быть истолкован вариативно в рамках общей идеи (см. о семантическом понимании падежа в [там же: 615]). Представитель второй группы У. Якобсен подчеркивает, что движение, наряду с другими волевыми, намеренно совершаемыми действиями, близко по своей природе к переходной модели понимания реальности при условии полноценного охвата в процессе движения фрагмента окружающей действительности, обозначаемого как Место (цит. по [Ё 2004: 130]). Далее мы рассмотрим японские конструкции движения с точки зрения степени объектности аргументов, чтобы ответить на вопрос: соответствуют ли японские конструкции движения прототипической транзитивной модели или их можно исключить из поля переходности. Учитывая количество и вариативность семантических критериев, определяющих структуру транзитивной модели, предположим, что это будет не дихотомия, а шкала объектности, на которой аргументы глаголов движения будут распределены по степени выраженности у них признаков переходности.

* * *

Сущностные характеристики переходности наиболее полно описаны в модели П. Хоппера и С. Томпсона, где выделены критерии семантической транзитивности [Hopper, Thompson 1980]; в целом переходность является объектом исследования большого количества научных работ, в которых она рассматривается и как грамматическая, и как понятийная, и как логическая категория. Обобщив выделяемые в разных классификациях черты переходности, остановимся на наиболее существенных с нашей точки зрения параметрах транзитивной модели. Прежде всего переходность предполагает обязательное наличие второго участника ситуации, который становится объектом передачи действия, что, в свою очередь, приводит к изменению состояния этого участника. Такое воздействие чаще всего характеризуется волиативностью и способностью субъекта осознавать происходящее и контролировать его, а также способностью объекта реализовать изменение своего состояния. Важное значение в описании переходности имеет также степень затронутости объекта, причем представляется важным выделить как физическую задействованность объекта, так и его возможную вовлеченность на уровне психических реакций. Соотнесем характеристики японских конструкций описания движения с выделенными выше сущностными чертами переходности как семантической категории.

1. Воздействие на второго участника события

Аккузативное оформление переходной модели в описании процессов передвижения требует наличия второго актанта, в результате чего даже при непереходности глагольного предиката движения японские пространственные конструкции включают Место как прямой объект, и выражения типа *идти по парку*, *лететь по небу*, *повернуть за угол* в японском языке строятся согласно модели прямого управления объектом. При этом лабильность глагола, который может «выступать и как переходный, и как непереходный без каких-либо формальных изменений» [Летучий 2013: 14], обуславливает вариативность его употребления: возможны и непереходное *mainichi aruku* ‘ходить пешком каждый день’, и переходное с прямым объектом-местом *kouen wo aruku* ‘идти пешком по парку’. Задача измерения степени объектности Места осложняется еще и тем, что в конструкциях движения показателен статус не только объекта, но и субъекта — он напрямую вовлечен в ситуацию, что нарушает типовое распределение агентивной и пациентивной ролей и обуславливает отклонение от прототипической переходной модели [там же: 120]. В целом, согласно критериям семантической транзитивности П. Хоппера и С. Томпсон, глаголы движения имеют низкие показатели переходности, и во многих языках аргумент глаголов движения не может быть «аргументом с высоким синтаксическим статусом, а скорее является непрямым объектом или сирконстантом» [там же: 91] — это не дает возможности с уверенностью утверждать, что Место имеет полноценный объектный статус.

Как для поступательного, так и для других видов движения Место — обязательный компонент, который в японской терминологии называется *kan'yobutsu* ‘нечто причастное’ и расценивается как полноценный участник события. В исследовании [Ё 2004] место события истолковывается как один из *seibun* ‘элемент, составная часть’, без которого локативное событие не может считаться состоявшимся; при этом агенс «складывает ситуацию из таких элементов, одним из которых является место» [там же: 137] — подобная трактовка способствует объектному пониманию Места. Похожую интерпретацию мы находим у Ю. Суми в контексте изучения глагола *wataru* ‘переходить’: в японском представлении *перейти мост* пропозиционально означает *перейти реку с помощью моста*, т. е. *мост* здесь предстает в некотором смысле в инструментальном значении; то же с *перекрестком*: *kousaten wo wataru* ‘пересечь перекресток’ — в данном случае в японских мыслительных структурах есть некий когнитивный образ *перекрестка* как инструмента, с помощью которого пересекается улица. Иными словами, глубинная структура настоящего события выглядит как *kousaten de toori wo yokogiru* ‘с помощью перекрестка перейти улицу’, где роль перекрестка оформляется инструментальным *de* [Суми 2003: 5—6].

Еще один тип второго актанта конструкций движения — это близкое к обстоятельству описание ситуации, когда заполнение преодолеваемого пространства представляется с метонимическим сдвигом, а именно: состояние пространства или происходящая в нем ситуация (*снегопад*, *солнцепоп*) метонимически обозначают само пространство (*пробираться сквозь снегопад* или *идти по солнцепеку*). Второй участник такого типа не является в чистом виде Местом, но в случае обстоятельного описания движения он может быть условно приравнен к месту движения по замкнутой местности, исходя из характера продвижения — неопределенного и хаотичного. «Обстоятельные» актанты со значением Места часто сопровождаются дополнительными актантами *naka* ‘внутри’, *moto* ‘в условиях’, *mawari* ‘вокруг’ и др., создающими пространственный эффект, что позволяет рассматривать их как аналог замкнутого ненаправленного движения *keiro*: *бежать по солнцу* как *бежать по полю*.

Итак, пространственный ориентир предстает полноценным участником действия, что дает возможность характеризовать его как объектный аргумент. В структуре транзитивной модели на данный объект должно переноситься действие, в идеальном варианте — с изменением состояния объекта. Проследим далее, как реализуется такая передача действия, если объектный аргумент является Местом.

Одной из ключевых составляющих в описании сути транзитивных процессов является семантика воздействия, приводящая к изменению состояния объекта, в японской терминологии — *shihaisei*, или реализация субъектом такого свойства, как *shihai* ‘управление, подавление, господство’ [Накао 2012: 86—87]. Интерпретация выраженности этого свойства в синтаксическом и семантическом статусах главных участников события, связанного с передвижением, вызывает определенные сложности: субъект предикатов движения «имеет и агентивные, и пациентивные свойства: с одной стороны, при глаголах типа *идти*, *лететь*, *плыть* он, как Агенс, обладает контролем над ситуацией, с другой — как Пациент, подвергается в ходе ситуации изменениям» [Летучий 2013: 184]. При этом даже с учетом незначительности возможных изменений (например, перемещение субъекта на другую сторону дороги) не происходит никакого накопления результата, что «показывает значительное отклонение синтаксических моделей с участием предикатов движения от прототипа переходности» [там же].

Тем не менее в японских работах по языковой репрезентации движения встречается термин *shihai ishiki* ‘подавляющий характер сознания’ как свойство субъекта, необходимое для осуществления «гос-

подствующего контроля» за процессом передвижения [Накао 2012: 86]. В описании восхождения на холм *oka wo nobotte iku* подчеркивается, что воздействие оказывается на Место как на «объект непосредственного завоевания» (показательно, что одним из иероглифических компонентов употребляемого японским лингвистом термина *seifuku* ‘завоевание’ является морфема *sei* ‘покорение, уничтожение’, что еще сильнее подчеркивает семантику подавляющего воздействия на осваиваемый пространственный объект). Похожая трактовка локативной роли у С. Като: на примере выражения *hashi wo wataru* ‘пройти по мосту’ он рассматривает данный акт как «объект переходного воздействия» [Като 2006: 165] при определенных условиях восприятия моста как цельного пространственного фрагмента, о чем будет подробнее сказано в следующих разделах. То же у Э. Ё. «место события является объектом, на который направлено воздействие или влияние» [Ё 2004: 132]. Такое свойство субъекта японской переходной локативной модели мы обозначим как «стремление к освоению территории», которое работает и с глаголами поступательного движения: *piiru wo oyogu* ‘плавать в бассейне’ в виде освоения, покорения *маршрута*, и в описаниях замкнутого ненаправленного движения: *tachi wo aruku* ‘обойти район’ как движение, акцентирующее стремление к (максимальному) охвату территории *вширь*. При данной интерпретации изменения состояния сущности уравниваются любые аргументы переходных конструкций: *kusuri wo nonda* ‘выпил лекарство’, *yama wo koeta* ‘перевалил через гору’, т. к. во всех транзитивных процессах происходит некая *обработка объекта*, которая может затронуть не столько объект, сколько субъект, т. е. статус самого объекта будет изменен лишь косвенно. Тем не менее, по всей видимости, здесь может идти речь об опосредованном онтологическом статусе объекта: *книга, прочитанная мной*, не есть то же самое, что *книга, прочитанная кем-то другим*, или *непрочитанная книга*. С этой точки зрения действительно можно констатировать наличие воздействия, приводящее к изменению состояния и локативного аргумента: комната, которую человек исшагал вдоль и поперек, обладает для него уже иными сущностными характеристиками.

Таким образом, воздействие в процессах движения можно понимать как *освоение территории*⁶, сопровождаемое некоторым изменением состояния объекта, которое в случае предикатов движения чаще всего относительное, выражаемое по отношению к субъекту. Далее мы рассмотрим следующий семантический критерий транзитивности — волитивность, т. к. освоение территории при процессах движения естественным образом подразумевает наличие волевого начала. Проанализируем данный критерий в контексте передвижения.

2. Волитивность

К неотъемлемым свойствам прототипического агенса относят волитивность субъекта и его способность контролировать ситуацию, в японской терминологии — *ishisei*. Японские конструкции движения четко дифференцируются по этому критерию, причем важным признаком, помимо одушевленности субъекта, является семантика двигательного предиката. Иными словами, отсутствие волевого начала может быть обнаружено и в случае прототипического одушевленного субъекта, если совершаемое действие выходит из-под его контроля, что отражается в семантической структуре предиката. При утере (или изначально отсутствии) контроля падежное оформление Места меняется с аккузативного на аблативное, снижая тем самым общую агентивность высказывания. Например, падение человека с лошади может быть оформлено только аблативным послелогом *kara*, т. к. намеренность действия тогда исключается [Сугимото 1995: 125]: вариант аккузативного оформления **uma wo ochiru* когнитивно некорректен, в отличие от допустимого *uma kara ochiru*, обозначающего *лошадь* лишь как исходную точку падения, что подчеркивается и непереходностью предиката.

Данное положение было проверено нами на корпусном материале в составе минимальных пар «субъект + предикат» и «Место + предикат» для глагола *ochiru* ‘падать с высоты’ (детальное рассмотрение семантики глагола *ochiru* см. в [Панина 2018]). В корпусе обнаружено 5484 вхождения с аблативным послелогом *kara* и 477 вхождений с объектным послелогом *wo* (92% и 8%); анализ соответствующих актантов показал, что аблатив преимущественно оформляет локативные конструкции произвольного действия: слезы падают (льются) из глаз, пелена упала с глаз, падения с лестницы, скалы, крыши и/или подчеркивает неожиданность, некоторую «неправильность» происходящего: дом, свалившийся с неба (в подарок); падение с кровати во сне и т. д. Напротив, объектное оформление Места в большинстве слу-

⁶ Под *освоением* в данном случае мы понимаем *включение* в круг своей деятельности (а не первичное освоение); тогда оформление процесса перемещения не учитывает зависимость от референциального статуса локативного участника — неважно, осваивает ли он его впервые или это действие происходит, например, каждый день со знакомым участником ситуации по известной схеме.

чаев описывает осознанное целенаправленное действие: бегство из столицы; предполагаемое, заведомое падение: в ловушку, в дыру. Сопоставительный анализ минимальных пар с одинаковым локативным аргументом при *ochiru* также показал, что параметр неконтролируемости, присутствующий в семантике данного предиката, очевидно, блокирует аккумулятив: так, из 175 пар со значением «падать с лестницы» 157 корпусных вхождений (90%) оформлены аблативно, остальные 10% — объектно; то же с парами «падать с неба» и «падать со скалы» (94% и 6%, 96% и 4% соответственно).

Субъект в этих парах также влияет на выбор падежного оформления: отсутствие или потеря контроля, снижающие показатель агентивности субъекта, уменьшают и вероятность объектного оформления. Корпусная проверка минимальных пар «субъект + Место + предикат» показала, что при аблативе «с неба падают»: снег, кристаллы воды, мало ожидаемые субъекты (дом в подарок, персонажи в сказках: люди, лошади) и т. д. При этом встреченные в корпусе немногочисленные примеры объектного оформления локативного актанта при *ochiru* демонстрируют «закадровую» включенность одушевленного каузатора: в аккумулятивном оформлении «с неба падает», например, свет прожектора, направляемый человеком, или снаряд, который был запущен человеком. Анализ минимальных пар с другим локативным актантами также выявил похожую тенденцию: при падении со скалы *gake* объектный вариант падежного оформления соответствует или одушевленному субъекту, или природному явлению, обладающему собственной кинетической энергией и относительной самостоятельностью (например, водопад, падающий со скалы), а в случае употребления аблатива действующими лицами становятся и менее самостоятельные субъекты: здание, поезд и т. д. Интересны корпусные примеры с роботом как носителем искусственного интеллекта: в качестве субъекта падения он с одинаковой частотой встречается как в аккумулятивно, так и в аблативно оформленных локативных конструкциях, что может служить косвенным показателем неопределенности его субъектного статуса и обозначать один из возможных способов измерить его агентивные характеристики, в частности степень контролируемости поведения субъектов — носителей искусственного интеллекта.

Когнитивная вариативность аблативного и аккумулятивного оформления движения наблюдается и с другим послелогом исходного движения *yori*, употребление которого определяется агентивными свойствами аргументов. Так, К. Мацумото на примере старояпонских текстов выделяет два подвида делокации с различным падежным оформлением исходной точки движения: аккумулятивное *wo* для *shuppatsu* ‘отправление’ и аблативное *yori* для *shutsugen* ‘появление’ [Мацумото 2016: 92—93]. Показательна разница во второй морфеме: *hatsu* — высокоагентивное ‘испускать’ и *gen* — неагентивное ‘появляться’. Соответственно, первый вариант как направленное движение может осуществляться исключительно намеренно: так говорят о месте *shiro wo deru* ‘выйти из замка’ и т. п.; второй вариант допускает наличие неодушевленного субъекта, т. к. предполагает естественный исход, не требующий наличия волевого начала: *shizen <...> no chi ga ki no naka yori deru* ‘кровь природы истекает из сердцевины дерева’, но при этом происходит замена аккумулятива на менее агентивное аблативное *yori*.

Интересно, что в случае частичной потери контроля за происходящим возможность аккумулятивного оформления движения сохраняется — например, при осуществлении действия в полубессознательном состоянии [Като 2006: 153]:

- (3) *Densha no naka de utsura utsurashiteite, machigatte zenzen shiranai*
 электричка GEN внутренность LOC находясь в полудреме по ошибке совсем незнакомый
eki de densha wo oriteshimatta.
 станция LOC электричка ACC выходить.PST
 ‘В состоянии полудремы вышел из электрички по ошибке на совсем незнакомой станции’.

В (3) волевой компонент действия отсутствует, но физически субъект продолжает контролировать ситуацию, сохраняя способность передвигаться. Это доказывает приоритет критерия одушевленности субъекта как способности осуществлять контроль. Таким образом, в семантике транзитивности проявление волевого начала может быть реализовано не только при наличии намеренности в совершении действия, в некоторых случаях бывает достаточно только способности, иногда неочевидной, осуществить это действие. Данное правило применимо и к средствам транспорта с учетом метонимического переноса функции управляемости:

- (4) *Takushi ga kounai wo deta.*
 такси NOM территория ACC выехать.PST
 ‘Такси выехало с территории’.

В целом в случае неодушевленного субъекта, не обладающего волевым началом, допускается только аблативное оформление: в (5) шар в игре в боулинг хоть и движется по определенной траектории, за-

данной человеком, может потерять направление и укатиться с дорожки — и этот динамический аспект ситуации движения уже будет оформлен только аблативным послелогом в силу потери контроля над шаром со стороны человека, см. пример из [Сугимото 1995: 126]:

- (5) *Nageta bo:ru ga re:n {*wo / kara} deteshimatta.*
брошенный шар NOM дорожка ACC ABL укатиться.PST
'Брошенный шар укатился с дорожки'.

Наличие волитивных свойств с некоторой долей условности допускается и у растений: если принять запах за процесс распространения аромата в пространстве (условно отнести предикат *пахнуть*, *испускать аромат* в группу «глаголы перемещения», обслуживающую каузативный тип движения), то показателен пример из [Накао 2012: 78]:

- (6) *Shitoshito to furu ame no naka wo kasuka ni niotteiru natane.*
морсящий дождь GEN внутренность ACC слабо пахнуть.PROG.PRS сурепка
'Сурепка, издающая слабый аромат в морсящий дождь'.

Здесь *дождь* не является в строгом смысле Местом; тем не менее даже обстоятельственный формат описания распространения запаха *в условиях дождя* требует аккузативного оформления и в случае растений (которые, как указывает Ю. Накао, возможно причислить и к категории одушевленных субъектов; вероятно, именно этот фактор обуславливает допущение аккузатива для не обладающих сознанием растений).

Важной составляющей волитивных свойств агентивного субъекта является наличие *целевого компонента* совершаемого действия. В делокативных и адлокативных конструкциях, а также при сквозном движении такими целевыми ориентирами служат начальная и конечная точки; в поступательном движении наличие целевого компонента проявляется в выборе четкой траектории, часто кратчайшей, соединяющей исходную и конечную точки движения. Напротив, отсутствие целевого компонента характеризует ненаправленное движение, которое может носить хаотичный характер. Показательно, что управление в обоих случаях формально не отличается и остается аккузативным, хотя во втором случае акцентируется отсутствие определенного пути, четкого курса и направленного движения; такая интерпретация высказывания нередко определяется и семантикой соответствующих локативных участников, похожих по сути на обстоятельства: *samusa wo tadoru* 'пробираться сквозь холод', *hitogomi wo deru* 'выйти сквозь толпу'. По своим семантическим свойствам это близко к ненаправленному движению типа *mori wo aruku* 'гулять по лесу', что показывает семантическую схожесть обстоятельственного и ненаправленного оформления движения и дает возможность обозначить в целом послелог *wo* и для ненаправленного движения как обстоятельственного. Данное разграничение обращает нас к выделению третьего значимого признака определения степени объектности аккузатива перемещения — направленности движения.

3. Направленность

Для обозначения семы направленности пути японские лингвисты используют общий термин *houkousei* от слова *houkou* 'курс'. Описанные выше типы движения различаются по уровню выраженности своей направленности. Например, делокативное движение (и самостоятельное, и каузируемое) как подвид направленного характеризуется высокой степенью направленности действия в силу наличия отчетливо определяемого пространственного ориентира, относительно которого выстраивается весь маршрут:

heya wo deru
комната ACC выходить
'выходить из комнаты'

miyako wo saru
столица ACC покидать
'покидать столицу'

botan wo hagasu
пуговица ACC отрывать
'отрывать пуговицу'

daigaku wo sotsugyou suru
университет ACC оканчивать
'оканчивать университет'.

Выход из комнаты, покидание столицы, отрывание пуговицы, выход из транспорта, окончание университета — все эти ситуации четко очерчивают исходную точку, как пространственную, так и временную: двери, место крепления пуговицы, конечный срок обучения в учебном заведении и т. д. При этом исходной точкой, Местом не могут быть, например, *more* или *gora*; носители определяют подобные выражения как аграмматичные: **umi wo deru* ‘выйти из моря’; **yama wo deru* ‘покинуть горы’. Такое ограничение связано с их избыточной обширностью: трудно построить четкий маршрут при отсутствии возможности определить конкретную точку выхода (если в случае с *goroi* информанты-носители условно предложили выход из *пещеры в горе*, оговорив обязательность данной уточняющей локализации, то для *выхода из моря* подобрать пример возможного употребления аккузатива оказалось затруднительно).

Такие фокусирующие пространственные «сужения» необходимы не только при определении точек выхода — они требуются в описании и поступательного, и сквозного движения. Приведем примеры из авторского русско-японского корпуса параллельных текстов, где японские переводные варианты дополнены уточняющими именами пространственной семантики для более четкого очерчивания траектории движения:

мы проезжали Ø мельницы

konahikiba no soba wo tootta (проезжали рядом с мельницами)

мельница GEN сторона ACC проезжать.PST

увидел бегущую наперерез Ø его коляски толпу девушек

basha no mae wo totsukiru you ni shite hashiru (наперерез перед коляской)

коляска GEN перед ACC наперерез бежать.PRS

приволокнулся за Ø барышней

ojousan no ato wo oimawashita (приволокнулся по следам барышни)

барышня GEN след ACC волокнуться.PST

обвела взглядом Ø комнату

heya no naka wo mimawashita (обвела взглядом содержимое комнаты)

комната GEN внутренность ACC осмотреть.PST

пробиваться сквозь Ø тучи

kumo no sou wo kugurinuketekuru (пробиваться сквозь слой туч)

туча GEN слой ACC пробиваться.PRS

кошка прогуливалась по Ø забору

hei no ue wo aruiteita (прогуливалась по верху забора)

забор GEN верх ACC идти пешком.PROG.PST

Представленная в данных примерах конкретизация пространственных ориентиров повышает допустимость использования аккузатива за счет придания траектории определенности (прогуливаться не *по забору* в целом как в пространстве с трудно определяемым маршрутом, а по вполне понятной его части; не *волокнуться за барышней* как таковой, а идти конкретно по ее следам; и т. д.), подчеркивая тем самым направленность поступательного движения и увеличивая степень объектности Места.

Напротив, обстоятельственно-локативное оформление движения в контексте некоторого события имеет скорее адвербиальный характер: *sakura no fubuki wo aruku* ‘идти сквозь вихрь лепестков сакуры’; следовательно, у такого движения довольно условная направленность. Ю. Накао отмечает, что подобное неорганизованное перемещение в некоторых обстоятельствах очень близко к замкнутому ненаправленному движению типа *kouen wo hashiru* ‘бегать по парку’ и определяет второе как подвид первого [Накао 2012]. При этом сохраняется аккузативное оформление, что может объясняться наличием определенной цели такого *продвижения в обстоятельствах*: *anran no naka wo suitchi wo sagasu* ‘искать выключатель в темноте’ (возможность двойного аккузатива здесь, как мы говорили выше, обеспечивается разным семантическим наполнением соответствующих актантов); с другой стороны, данный тип движения часто описывает преодоление препятствий в сложных условиях, что придает ему хаотичность из-за спонтанности поиска верного направления в условиях неопределенности. Следовательно, такое движение необходимо каким-либо образом упорядочить, что, как и в случае направленного движения, выполняется путем добавления имен пространственной семантики: выражение *fubuki no naka wo aruku* ‘идти внутри метели’ признается носителями языка более грамматичным, чем *fubuki wo aruku* ‘идти в метели’ (работает то же правило: чем четче траектория, тем допустимее аккузатив).

Важно отметить, что *houkou* как ‘курс’ может быть представлен не только воплощенной совокупностью точек пространства, но и невыраженной, воображаемой траекторией. Функция при этом выполняет та же — детализировать направление; например, очертить курс Земли вокруг Солнца [Като 2006: 171]:

- (7) а. **Chikyuu wa taiyou wo mawaru.*
 земля TOP Солнце ACC вращаться.PRS
 ‘Земля движется вокруг Солнца’.
- б. *Chikyuu wa taiyou no mawari wo mawaru.*
 земля TOP Солнце GEN круг ACC вращаться.PRS
 ‘Земля движется по кругу вокруг Солнца’.

Солнце в своем астрономическом представлении является визуально неохватываемым объектом, что делает (7а) аграмматичным и требует уточнения, как именно движется Земля, — говорящий должен сделать этот маршрут хотя бы минимально осознаваемым, для чего вводится дополнительный актанта *по кругу*. Примечательно, что омонимичное *mawari wo mawaru* ‘кружиться по кругу’ не признается носителями как тавтология; более того, *mawari* является самым частым аргументом глагола *mawaru* в современном корпусе японского языка, что еще раз подчеркивает стремление японского языка конкретизировать абстрактный аргумент даже при выраженности необходимых сем в предикате.

Здесь следует подчеркнуть, что таким способом — введением дополнительного уточняющего элемента для обозначения какого-либо пути — решается еще и задача иного, прагматического плана: в (7) онтологическая значимость Солнца настолько высока, что простое взаимодействие с ним ни человека, ни даже планеты не представляется возможным, и пословная передача фрагмента действительности в выражении ‘вращаться вокруг Солнца’ является когнитивно недопустимой еще и по причине недостаточного соблюдения необходимого этикета по отношению к высокочислозначимому объекту. Данный аксиологический фактор обуславливает подстановку дополнительного локативного актанта как промежуточного звена между субъектом и объектом для снижения каузативной нагрузки на иерархически более ценный элемент. Т. Сугимото объясняет такую подстановку необходимостью наличия у говорящего некоторого «ощущения орбиты» для аккузативного оформления движения Земли [Сугимото 1995: 126]; примерно так же описывает это явление и С. Като, подчеркивая, что надо «проложить уважительную дистанцию» между Солнцем и взаимодействующим с ним участником ситуации» [Като 2006: 171—172]. Вместе с тем при незначимом участнике ситуации — например, при описании движения человека вокруг воткнутого в землю шеста *bou wo mawaru* — детализация не нужна: и траектория визуально охватываема, и шест не является чем-то особо значимым в масштабах человеческого существования. Следовательно, дополнительных элементов синтаксической (и глубинной — когнитивной) структуры высказывания в данном случае не требуется. В ходе полевых исследований в интервью японские лингвисты обозначили эту роль как *kusshon* ‘подушка’; в наших исследованиях мы определяем такой элемент как «амортизирующий актанта», выполняющий функцию увеличения дистанции или смягчения агентивного взаимодействия в субъектно-объектных отношениях.

Итак, направленное движение требует наличия определенного типа Места (иногда в сопровождении дополнительного уточняющего послелога), который по своим характеристикам может обеспечить достаточные условия для передвижения субъекта по заданной траектории, при этом аккузативное оформление не соответствующего данным требованиям аргумента глагола движения допустимо лишь с ограничениями:

- (8) а. *Pu:ru wo oyogu*
 бассейн ACC плавать
 ‘плавать (целенаправленно) в бассейне’
- б. *?Ike wo oyogu*
 пруд ACC плавать
 ‘плавать (целенаправленно?) в пруду’.

Второй вариант ставится носителями под сомнение, т. к. бассейн предполагает плавание по определенному курсу, а пруд — нет. Действительно, пруд в силу своей геометрической формы и небольшой величины не предполагает прокладывание курса как такового; в пруду скорее плавают в беспорядочном направлении, это ближе к ненаправленному движению и логичнее будет оформить его локативным послогом *de*, акцентирующим не маршрутность плавания, а само действие. Употребление аккузатива тем не менее полностью не исключается, т. к. в некоторых условиях допустить плавание в определенном направлении в пруду можно — например, если поставить цель проплыть его *от края и до края*, что как раз может служить диагностическим контекстом для определения возможности аккузативного оформления какой-либо локации. Важность *края* как границы какого-либо пространственного фрагмента приводит нас к пониманию необходимости учета еще одного важного параметра движения — границ Места. Рассмотрим его в следующей части работы.

4. Граничность

Выше было отмечено, что понятие границ Места напрямую задействовано в определении семантики события движения. В примере про невозможность *выхода из моря* главным препятствием аккумулятивного оформления является расплывчатость локации — море с трудом воспринимается как визуально охватываемое и осознаваемое целое. Т. Сугимото со ссылкой на работу С. Судзуки 1978 г. называет это «бескрайностью» [Сугимото 1995: 125] и подчеркивает, что такие, обладающие *бескрайностью* Места не могут быть оформлены аккумулятивом из-за размытости своих границ, т. к. у них недостаточно понятийной четкости, чтобы получить статус объекта. Отсюда можно сделать и обратный вывод: наличие границ, обеспечивающее целостное восприятие места, приближает нас к объектному пониманию Места.

Вариативность степени выраженности у пространственного фрагмента обозначенных или подразумеваемых границ дифференцирует семантику локативных конструкций и их актантное оформление. Например, Ю. Суми по критерию пересекаемости границы оговаривает особенности употребления предиката движения *wataru* 'переходить': при акцентировании только финишной точки движения как конечного предела *taigan ni wataru* 'добраться до противоположного берега реки' выражение квалифицируется как адлокативное и оформляется директивным послелогом *ni*; в случае когнитивной выделенности и входной, и выходной точек на обеих границах движение квалифицируется как сквозное и оформляется аккумулятивно [Суми 2003: 121]. Еще одна иллюстрация вариативного понимания ситуации движения в зависимости от интерпретации граничных пределов: С. Като описывает ситуацию *ge:to wo toppa suru* 'прорваться сквозь ворота (крепости)' как пример возможного двойного толкования *ворот* [Като 2006: 164]. Можно предположить, что при наличии отдельной задачи *взять ворота* усиливается объектное понимание данного пространственного ориентира, очерченного собственными границами «точка входа: лицевая сторона ворот, точка выхода: обратная сторона ворот»; важно, что после взятия *ворот* ситуация завершена. Если же *ворота* рассматриваются как входная точка в *крепость* и являются не более чем точкой на лицевой границе крепости, то они не обладают своими собственными границами и не воспринимаются как объект. В таком случае ситуация продолжает развиваться дальше, и когнитивное представление процесса продвижения сквозь ворота понятийно требует другого, промежуточного предиката *tooru* 'пройти по'. При этом оба предиката не допускают иного оформления, кроме аккумулятивного, поэтому в понимании пропозиции приходится полагаться только на контекст и интуицию.

Следует отметить, что размер охватываемого границами пространства может быть как определенным и измеряемым: *поезд проследовал через станцию* (несколько сотен метров), *ребенок пробежал через двор* (несколько десятков метров), *человек прошел через турникет* (около полутора метров) и т. д., так и условным — рассмотрим следующий пример:

- (9) a. *Tsukubasan joukuu wo tonda.*
 Цукуба.гора воздушное пространство ACC лететь.PST
 '«Самолет» пролетел в небе над горой Цукуба'.
 b. *Sora wo tonda.*
 небо ACC лететь.PST
 '«Самолет» летел по небу'.

В (9a) есть некая интуитивно определяемая точка входа и выхода у того фрагмента неба, который расположен прямо над горой (в отечественной терминологии «директив-старт» и «директив-финиш»), а в (9b) Место «теряет граничность» [Като 2006: 167]; соответственно, (9a) трактуется как сквозное движение, а (9b) — как направленное.

В некоторых случаях обозначенное границами пространство является не только площадью: если пересекаемая территория воспринимается как единое неделимое пространство, то в когнитивном представлении она может сжиматься до точки. С. Като подчеркивает, что «математически точка не имеет площади, но физически — имеет, поэтому (в локативном представлении) площадь замкнутого пространства может быть сокращена до точки» [там же: 165], а дифференциация происходит в зависимости от степени когнитивной выделенности территории как таковой.

В понимании Места как объекта важен также контекст пересечения конечной границы, для обозначения которого предлагается термин *rikaku* 'падеж отделения', или дезертив [там же]; у К. Такэбаяси находим термин *ridatsu* 'отделение, отрыв' (цит. по [Хо 2008: 40]) для обозначения идеи разрыва точки выхода и объекта — чем больше они разграничены, тем более объектно интерпретируется Место как исходная точка:

- (10) *Kemuri ga entotsu {kara / wo} deteiru.*
 дым NOM труба ABL ACC выходить.PROG.PRS
 'Из трубы выходит дым'.

Выше мы говорили об отсутствии у неодушевленных субъектов волевых свойств, в силу чего конструкция с *дымом* как главным участником движения может быть оформлена только аблативно — *дым* не может осознанно покидать трубу, чего требует от нас употребление аккузатива. Но в данном случае, по утверждению С. Като, допустимы оба варианта [Като 2006: 154]. Во-первых, это связано с тем, что дым из-за своих физических свойств способен передвигаться вверх, покидать трубу и плыть по небу, будучи уносимым потоками воздуха, — т. е. работает критерий «наличие способности совершить действие» (см. выше пример (3) про выход из транспорта в полубессознательном состоянии — контроля нет, а способность передвигаться есть; здесь почти то же самое). Во-вторых, аккузативное оформление Места допускается при условии, что дым покинул трубу, — см. рис. 1.

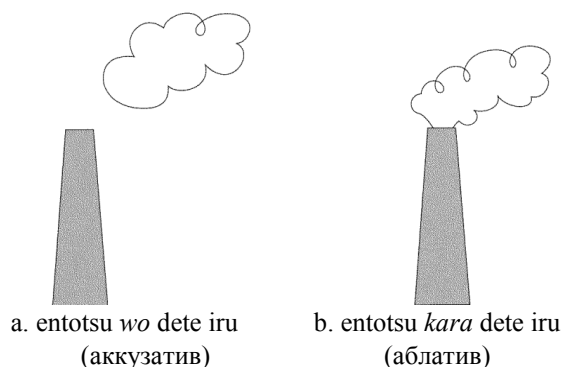

Рис. 1. Отделение Места

(b) допускает только аблативное описание, т. к. труба с дымом представляют собой единое целое, и исходная точка — труба — не может быть интерпретирована как отдельный объект. В (a) произошло *отделение*, в результате чего труба без связи с дымом становится полностью оцепленной собственными границами и может восприниматься со стороны как автономный объект. Такой вариант разрешает аккузативное маркирование.

Интересна также значимость не только пространственных, но и временных границ. Так, в пространственном контексте момент перехода через гору может быть оформлен аккузативно лишь при условии ограничения некоторого участка горы, например перевала: тогда передвижение получается сквозным и *перевал* воспринимается как конкретный объект, у которого есть точки входа и выхода *touge wo koeru* ‘пройти перевал’ [Накао 2012: 85]; заочный контраргумент находим в работе [Хо 2008: 41]: *gora*, у которой нет четких границ, тоже может восприниматься как прямой объект *yama wo koeru* ‘перейти гору’ при условии ограничения по времени: *ichijikan de yama wo koeru* ‘перейти гору за один час’. В этом случае ограничителями пути являются не пространственные, а временные ориентиры.

Все вышесказанное позволяет разделить локативные ситуации на две группы: для которых важен фактор пересечения границ (для аблативной интерпретации ситуации важно пересечение исходной границы, для адлокативной — конечной, для сквозного и поступательного движения — обеих) и для которых важен фактор *непересечения* границы (для ненаправленного движения принципиален момент *невыхода* за границы). В рамках исследовательского вопроса данной работы можно сделать вывод: пересечение границы позволяет интерпретировать Место приближенно к объекту, а *непересечение*, с акцентом на происходящее внутри локации, отдаляет Место от прототипа объекта даже при формальном единстве актантного оформления, которое во втором случае теряет свое центральное пространственное значение и приобретает периферийное обстоятельственное (когда *ходить по комнате* приравнивается к *кружить в снегопаде*).

Итак, в понимании сути объектности движения в японском языке представляется значимым такой параметр локативной модели, как соотнесенность типа движения с границами локации. В контексте передвижения, которое по существу потенциально разнонаправленное, значимы как конечная и начальная точки, так и границы, охватывающие локацию со всех сторон, поэтому мы определим данный параметр как *граничность* (в японской литературе встречаются термины *genkaisei* или *kyoukaisei* как ‘свойство обладания пределом/границей’, состоящие из элементов *предел/граница* и *очерченный круг*). В результате внешнего очерчивания место приобретает целостный характер, а тот фактор, что мы его пересекаем полностью от края и до края, позволяет нам посмотреть на него как будто снаружи — С. Като называет это «внешней категоризацией» [Като 2006: 177] и отмечает как важный фактор отнесенности Места в объектную группу. Все вышесказанное позволяет нам отнести *граничность* к значимым признакам объектности локативного участника.

Таким образом, можно констатировать, что Место как объект должно обладать целостностью, все-сторонне фиксируемой физическими или условными (но когнитивно представляемыми) границами. В этом отношении в японоязычных работах по описанию движения встречается такая характеристика Места, как *zentaisei* или *zenmensei* (понятия, различающиеся центральными морфемами *tai* ‘тело’ и *ten* ‘сторона’), соответственно, ‘целостность’ или ‘всеохватность’, которая определяет степень взаимодействия субъекта и Места. В следующем разделе мы последовательно рассмотрим случаи как физической вовлеченности, так и психической «затронутости» субъекта относительно пространственных ориентиров в процессе передвижения.

5. Вовлеченность

Вовлеченность участников ситуации в процесс движения может толковаться двояко. Классическое понимание вовлеченности, или «затронутости», по П. Хопперу и С. Томпсон, подразумевает степень воздействия на объект и масштабность произошедших с ним изменений. При движении воздействие, оказываемое на Место является довольно условным, а изменений с самим объектом чаще всего не происходит вовсе (как было сказано выше, изменение в таком случае происходит в сознании субъекта — для него *перекресток пересечен*). Тем не менее данный признак важен для определения степени объектности, поэтому попробуем определить степень вовлеченности участников в ситуацию движения.

Признаки, выражаемые японскими терминами *zentaisei* и *zenmensei*, по сути близки к транзитивным: степень «охватности» показывает уровень плотности нашего контакта с пространственными ориентирами. Т. Сугимото отмечает, что для определения грамматического статуса Места необходимо понимать степень такого контакта — чем она выше, тем легче Место толкуется как объект. И наоборот: частичное, иногда минимальное, взаимодействие удаляет нас от понимания Места как объекта, что выражается и в актантном оформлении — оно понижается до аблативного (пример из [Сугимото 1995: 121]), см. рис. 2:

- (11) a. *minato kara hanareru*
порт ABL покинуть
‘покинуть порт (после кратковременной швартовки)’
b. *minato wo hanareru*
порт ACC покинуть
‘покинуть порт (с заходом в него)’

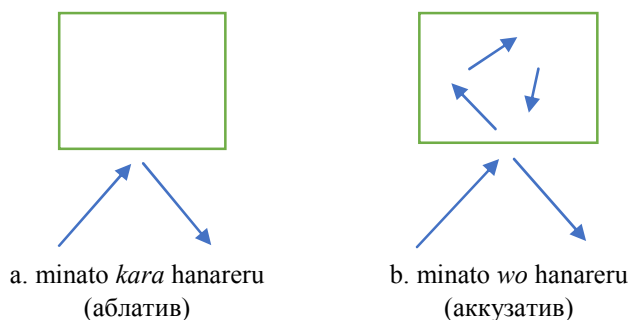

Рис. 2. Затронутость территории

Если контакт был только с внешней границей Места, то тогда в (11a) Место служит не более чем точкой-источником с соответствующим аблативным оформлением. Для объектного толкования необходима как минимум частичная внутриграницная задействованность локации: например, для аккумулятивного оформления выхода из комнаты *heya wo deru* субъекту надо хотя бы немного поперемещаться по ней перед выходом или достаточно даже просто постоять у двери внутри. Для другого вида движения, например направленного, такую частичную затронутость можно проверить с помощью диагностического наречия *sukoshi* ‘немного’: *michi wo aruita* → *michi wo sukoshi aruita* ‘прошелся (немного) по дороге’. То есть освоение даже части пространства повышает возможность объектной трактовки соответствующего аргумента глагола движения. Но не гарантирует ее: для понимания Места как полноценного объекта важно его внешнее, а не внутреннее освоение. Если же мы бродим по комнате без особой цели, не выходя из нее, то и при полном охвате внутреннего пространства ситуация, обозначаемая аккумулятивом, будет близка к обстоятельству описанию и, соответственно, далека от объектной ее интерпретации. Похожее разграничение мы находим у Ю. Накао, который относит направленное движение к подвиду объектного, а замкнутое ненаправленное трактует как подвид обстоятельного [Накао 2012: 87].

Различительную функцию в актантном оформлении движения выполняет и предикат; замена глагола в (11a, b) на *toozakaru* ‘отдалиться, быть на расстоянии’ исключает употребление аккузатива:

- (12) *minato* {a. *kara* / b. **wo*} *toozakaru*
 порт ABL ACC отдалиться
 ‘отойти на расстояние от порта’.

Этот запрет на аккузатив связан с измерительной семантикой данного предиката — она носит эгрессивный характер отдаления с акцентом на увеличение дистанции, что лишает делокатив значимости, ограничивая его функцию до точки в пространстве, и понижает его синтаксический статус до аблативного.

Следует отметить, что вовлеченность, определяющая значимость пространственного ориентира, может быть измерена не только физически. В комментарии информанта-носителя к (12) было указано, что *toozakaru*, помимо обозначения физического отдаления, имеет оттенок отчуждения и избегания (негативная эмоциональная коннотация), поэтому пример (11b), который в [Сугимото 1995] приводится как аграмматичный, можно признать допустимым, если с портом связаны неприятные воспоминания — например, если отъезд имеет характер бегства от обстоятельств, которые хочется забыть.

Это положение подтвердилось в ходе корпусной проверки сочетаемости данного предиката. Обнаружилось, что из 4242 вхождений более половины (2316, 55%) маркированы аблативно, причем это самое частотное падежное оформление данного предиката, а случаи аккузативного оформления редки (49 вхождений, 1%) и действительно имеют негативную окраску. Среди них можно выделить типичные ситуации бегства и выслеживания (здесь показателен пример, сопровождающийся описанием обстоятельств дела «злобно следовал за») или ситуации, связанные с «уходом из этого бренного мира» в религиозно-философском контексте. Отдельные единожды встреченные корпусные примеры также демонстрируют нежелательность нахождения в исходной точке: побег Китри с площади в сцене, где ее хотели насильно выдать замуж (либретто балета «Дон Кихот»); дистанцирование от коллег (в результате конфликта); невозможность далее выполнять обязанности (отстранение врача от работы с невозможностью вернуться или снятие лошади с забега в результате травмы); отделение внутреннего органа (в результате деформации при сдавливании) и т. д.

Такие случаи психической вовлеченности в японской литературе обозначаются как *kanrensei* ‘причастность’, которая может быть расценена как частный случай *затронутости*. Так, в работе Ю. Суми на материале глагола *wataru* ‘пересекать’ приведены примеры преодоления и физического, и «психологического» расстояния [Суми 2003: 126—127]. Подчеркивается, что аккузативом маркируется Место, имеющее наибольшую значимость для субъекта: точка отсчета при покидании чего-либо (см. (11b) про порт); сама траектория передвижения, если акцент ставится буквально на *усилия по преодолению* большого физического расстояния: *tairiku wo wataru* ‘пересечь материк’ и т. д. Примечательно, что при ожидании чего-то важного в точке прибытия: свадьба, новое место работы, долгожданный переезд — целевое оформление дативным показателем *ni* является более желательным, т. к. в силу вступают уже два критерия причастности к происходящему — преодоление расстояния и постановка цели в точке прибытия.

Подобная психическая вовлеченность тесно пересекается с таким семантическим критерием транзитивности, как *индивидуализированность* объекта. Здесь интересен пример с лабильным глаголом *kawaru* ‘менять(ся)’, который используется как переходный чаще всего именно в контексте перемещения, например: *seki wo kawaru* ‘сменить место’; *kaisha wo kawaru* ‘сменить место работы’; *busho wo kawaru* ‘сменить должность’⁷. Возможность аккузативного маркирования в таких случаях как раз и можно объяснить тем, что эти аргументы имеют локативную семантику: *компания* или тесно связанная с местом работы *должность*. Но в примере ниже [Като 2006: 175] к данному фактору подключается еще и выраженная индивидуализация объекта или ее отсутствие:

- (13) a. *Watashi wa shidou kyoukan wo kawarimashita.*
 я TOP научный.руководитель ACC менять.PST
 ‘Я сменил научного руководителя’.
 b. *Watashi wa shidou gakusei wo kawarimashita.*
 я TOP руководство.студентом ACC менять.PST
 ‘Я сменил студента, у которого являюсь научным руководителем’.

⁷ Эти данные были обнаружены нами в ходе корпусной проверки: из первых 10 самых частотных аккузативно оформленных актантов при *kawaru* 8 — это локативные (сменить *больницу, место работы, компанию, школу* и т. д.), что составляет 95% от общего количества вхождений первых 10 актантов.

Можно предположить, что *научный руководитель* постоянно вовлечен в деятельность учебного заведения и является его неотъемлемой фигурой; помимо этого, обладает значимостью, в связи с чем свободно маркируется аккузативно. Напротив, *студенты* относительно временно включены в учебный процесс и, соответственно, менее привязаны к университету; более того, они могут быть из разных вузов — т. е. их локативная принадлежность определена гораздо менее четко; значимость их как участников ситуации также ниже в силу естественной социальной иерархии; еще один возможный индивидуализирующий фактор: для студента сменить руководителя — большее событие, чем наоборот. И наконец, играет роль исключительность объекта: у студента не может быть двух руководителей; обратное — возможно: научных работ студентов у преподавателя бывает и не две, а больше. Таким образом, высокая степень индивидуализированности объекта повышает допустимость аккузативного маркирования. В контексте движения выраженность этой черты у локативного аргумента также имеет вес в определении степени его объектности. Рассмотрим следующие примеры [там же: 156—157, 161].

- (14) *Nozomigou wa nanban ho:mi {*wo / kara} demasu ka*
 Нодзومي TOP какой.номер платформа ACC ABL отправляться.PRS Q
 ‘С какой платформы отправляется Нодзومي?’

- (15) *Shinkansen wa Oomiya ni touchakushita.*
 синкансэн TOP Омия LOC прибытие.VRB.PST
 ‘Синкансэн прибыл в Омия’.
*Shikashi, ippun mo shinai uchi ni, Oomiya eki {wo / *kara} hashashita.*
 однако не прошло и минуты Омия.станция ACC ABL отправляться.VRB.PST
 ‘Но не прошло и минуты, как он отправился со станции Омия’.

В (14) имеется ситуация выбора, в которой у платформы нет определенности и каких-то особых, свойственных только ей качеств, что запрещает использование аккузатива. В (15) наоборот: поезд мог отправиться только с одной конкретной станции, поэтому синтаксически здесь необходим аккузатив, показывающий уникальные свойства именно этой точки отправления. Соответственно, возможность выбора в следующем примере также обеспечивает менее строгое аблативное оформление Места:

- (16) *Koko ni aru muttsu no deiriguchi wa izure mo butai ni derareru*
 здесь иметься шесть ATTR выход TOP любой сцена LOC выходить.POT.PRS
*Kimi wa, mannaka no C deguchi {*wo / kara} detekurenai ka.*
 ты TOP центр ATTR C выход ACC ABL выходить.BEN.NEG Q
 ‘На сцену можно выйти из любого из имеющихся шести выходов. Выйди из центрального выхода C’.

Этот же принцип может объяснить стремление языка синтаксически уравнивать точки выхода и входа при делокативном и адлокативном движении в следующем примере:

- (17) *Heya {a.*wo / b.kara} niwa ni deru*
 комната ACC ABL сад LOC выходить
 ‘выйти из комнаты в сад’.

При аккузативном маркировании исходной точки в (17) нарушается когнитивная симметрия пространственных ориентиров, и синтаксически ядерным актантом становится *комната* — это искажает пропозицию, предполагающую равнозначность двух локативных актантов. По мнению информанта-носителя, аккузативное маркирование здесь допустимо только в случае придания этим двум пространственным точкам неравнозначности: например, если содержательно нагрузить *комнату* → «выйти в сад из комнаты, где уже нечем было дышать после многочасового собрания. Многие еще и курили...» — тогда *комната* приобретает особый статус, ее индивидуализированность как объекта повышается, что разрешает аккузативное оформление.

Выводы

Итак, в ходе исследования локативных участников с точки зрения их соответствия семантическим критериям транзитивности и, далее, объектности, было обнаружено, что актантно-предикатные конструкции в зависимости от глаголов, обозначающих разный тип движения, демонстрируют различную степень выраженности соответствующих признаков. Считаем возможным принять значимость перечисленных в таблице ниже параметров как равную, что позволяет на данном этапе исследования предварительно суммировать их для измерения общей степени выраженности объектных признаков Места даже

при их потенциальной взаимной зависимости (в прототипических отношениях контроль и вовлеченность, воздействие и способность часто взаимозависимы, но в контексте движения эта взаимозависимость, по-видимому, неоднозначна):

Таблица 1. Степень выраженности объектных признаков⁸

Семантические критерии объектности Места	Прототип «объект»	Виды движения			Прототип «обстоятельства»
		направленное движение <i>idou</i>	сквозное движение <i>tsuuka</i>	ненаправленное движение <i>keiro</i>	
воздействие	○	Δ	Δ	Δ	×
волевитивность (намерение, контроль, способность)	○	○	○	Δ	×
направленность	○	○	○	×	×
граничность	○	Δ	○	Δ	×
вовлеченность / индивидуализированность	○	Δ	Δ	Δ	○
	5	3,5	4	2	1

Результаты анализа продемонстрировали, что объектный статус обуславливается прежде всего *граничностью* Места — этот критерий обеспечивает внешнюю категоризацию как главное условие объективации, поэтому сквозное движение, главное условие которого — оформленность точек входа и выхода, выявило наибольшие показатели объектности. В целом анализ выраженности основных семантических критериев объектности — *воздействия с переносом действия на второго участника ситуации, волевитивности, направленности, граничности, вовлеченности и индивидуализированности* — показал, что в наибольшей степени обладающим объектными свойствами видом движения является сквозное, далее к объектному пониманию аргументных характеристик приближено поступательное движение, включающее делокативные и адлокативные варианты. Напротив, замкнутое ненаправленное движение по своим объектным характеристикам близко к другому полюсу — обстоятельственному подвиду движения. Если расположить виды движения на шкале объектности, которая будет изображать суммированную выраженность объектности соответствующих аргументов глаголов движения, то мы получим следующую картину (на правом полюсе шкалы расположен объект, не имеющий локативного значения, но служащий ориентиром, обладающим прототипическими объектными характеристиками):

Обстоятельства	Ненаправленное движение	Направленное движение	Сквозное движение	Прототипический объект
«идти ночью»	«идти по солнцепеку»	«бежать по дорожке»	«лететь через океан»	«разбить вазу»
принимаем их как есть; при вовлечении не имеем возможности проявить намерение и контролировать ситуацию	хаотичное передвижение в замкнутом пространстве с относительным контролем за происходящим	системное передвижение с точкой отсчета и четкой траекторией; с контролем за происходящим	целенаправленное передвижение с пересечением границ, освоение локации <i>извне</i>	полный перенос действия на второго участника ситуации с изменением его состояния

Схема 1. Шкала объектности Места

Аккузативное оформление аргумента при глаголах движения можно разделить на объектно-локативное (актантное), свойственное переходной модели представления действительности, и обстоятельственно-локативное (сирконстантное): чем больше акцент на происходящее *внутри* локации, тем ниже степень объектности соответствующего аргумента; чем выше степень внешней категоризации при взгляде и освоении пространства *снаружи*, тем значимее локативный участник как объект. Можно сделать вывод, что формальное единообразие локативных и объектных формул не всегда равно семантиче-

⁸ Знаком ○ обозначена прототипическая выраженность признака = 1; знаком Δ — вариативная выраженность = 0,5; знаком × — невыраженность = 0; соответственно, max значение = 5.

скому: в одних случаях движение можно интерпретировать как освоение Места как объекта, в других это не более чем описание обстоятельств.

Таким образом, мы проанализировали поле движения в контексте исследования японской агентивности и проверили степень близости к объектному пониманию аккумулятива при глаголах описания движения. В работе было выделено объектное и обстоятельственное понимание движения. Ввиду слабой выраженности объектных признаков у второго подвида представляется возможным исключить его из поля агентивности в силу его несоответствия прототипической переходной модели даже при формальном соответствии транзитивным структурам и, следовательно, рассматривать такие языковые конструкции движения в японском языке как низкоагентивные или полностью неагентивные.

Литература

Апресян 1995 — Ю. Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Восточная литература РАН, 1995.

Басс 1973 — И. И. *Басс*. Семантика глаголов движения в современном японском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.

Дурова 2016 — М. В. *Дурова*. Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири). Дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2016.

Ё 2004 — Э. Ё. Нихонго но «о» каку пурасу идо доси кобун то таю суру туюкогу хёгэн (Японский винительный падеж с глаголами движения и его соответствия в китайском языке) // *Social and Cultural Studies*. 2004, 15. С. 129—139.

Зализняк 2002 — А. А. *Зализняк*. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Като 2006 — С. *Като*. Тайсёкаку то басёкаку но рэндзокусэй: какудзёси сирон (О свойствах маркера винительного / локативного падежа в японском языке) // *Bulletin of the Faculty of Humanities and Human Sciences*. Hokkaido University. 2006, 118. С. 135—182.

Кожанов 2018 — К. А. *Кожанов*. Маркирование актантов двухместных предикатов в цыганском языке (кэлдэ-рарский диалект) // С. С. Сай (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 225—240. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>

Колпачкова 2018 — Е. Н. *Колпачкова*. Маркирование актантов двухместных предикатов в современном китайском языке // С. С. Сай (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 456—479. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>

Конума 2018 — Ю. *Конума*. Маркирование актантов двухместных предикатов в японском языке // С. С. Сай. (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 440—455. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>

Кузнецов 2020 — А. А. *Кузнецов*. Грамматикализация глаголов движения в японском языке. ВКР СПбГУ, 2020.

Летучий 2013 — А. Б. *Летучий*. Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013.

Мацумото 2016 — К. *Мацумото*. Кодайго но идодоси то китэн / кэйро (Глаголы движения и пункт отправления / маршрут в древнем языке) // *Нихонго но кэнкю*. 2016, 12 (4). С. 86—102.

Миякэ 1996 — Т. *Миякэ*. Нихонго но идо доси но таикаку хёдзи ни цуитэ (Об аккумулятивном маркировании японских глаголов движения) // *Гэнго кэнкю*. 1996, 110. С. 143—168.

Накао 2012 — Ю. *Накао*. Субэтэ но «о» ва каку дзёси ка (Все ли аккумулятивные маркеры являются падежными показателями?) // *Осака даигаку сэкай гэнго кэнкю сэнта ронсю*. 2012, 7. С. 75—88.

Невская 2005 — И. А. *Невская*. Пространственные отношения в тюркских языках Южной Сибири (на материале шорского языка). Новосибирск: Ника, 2005.

Панина 2018 — А. С. *Панина*. Глаголы падения в японском языке // *Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение*. 2018, 2. С. 3—13.

Рахилина 1990 — Е. В. *Рахилина*. Семантика или синтаксис? К анализу частных вопросов в русском языке. Munchen: Sagner, 1990.

Сай (ред.) 2018 — С. С. *Сай* (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>.

Сергеева 2018 — Е. Н. *Сергеева*. Маркирование актантов двухместных предикатов в коми-зырянском литературном языке // С. С. Сай (отв. ред.). Валентностные классы двухместных предикатов в разноструктурных языках. Сборник статей. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 339—353. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405>

Сугимото 1995 — Т. *Сугимото*. Идокаку но «о» ни цуитэ (О локативном аккумулятиве) // *Нихонго кэнкю*. 1995, 15. С. 120—129.

Сугимото 2009 — Т. Сугимото. Какудзёси «о» саико (Пересмотр аккумулятивного падежного показателя) // Nichigo nichibungaku kenkyuu. 2009, 71 (1). С. 3—12.

Суми 2003 — Ю. Суми. Идо о аравасу нихонго доси но ими то каку хёдзи: «ватару» о рэй тоситэ (Значение и падежное маркирование японских глаголов движения: на примере глагола «пересекать») // Тюбу дайгаку дзимбун гакубу кэнкю ронсю. 2003, 10. С. 113—132.

Хо 2008 — Д. Хо. Идо доси но каку хёдзи то асупэкуто кэисики то но канкэй: канкокуго то но тайсё но кантэн кара (Связь падежных показателей и видовых форм глаголов движения в сопоставлении с корейским языком) // Нихонго то нихон бунгаку. 2008, 47. С. 39—53.

Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // Language. 1980, 56 (2). P. 251—299.

References

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Izbrannye trudy. T. 1. Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka. Moskva: Shkola "Yazyki russkoi kul'tury", Vostochnaya literatura RAN, 1995. {Yu. D. Apresyan. Selected works. Vol. 1. Lexical semantics. Synonymous means of language. Moscow: School "Languages of Russian Culture", Oriental Literature of the Russian Academy of Sciences, 1995.}

Bass 1973 — I. I. Bass. Semantika glagolov dvizheniya v sovremennom yaponskom yazyke. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1973. {I. I. Bass. Semantics of motion verbs in modern Japanese. Summary of the PhD thesis. Moscow, 1973.}

Durova 2016 — M. V. Durova. Modeli byitiino-prostranstvennykh ehlementarnykh prostykh predlozhenii v yaponskom yazyke (v sopostavlenii s yazykami narodov Sibiri). Dis. ... kand. filol. nauk. Novosibirsk, 2016. {M. V. Durova. Models of existential-spatial elementary simple sentences in Japanese (in comparison with the languages of the peoples of Siberia). PhD thesis. Novosibirsk, 2016.}

Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse. In: Language. 1980, 56 (2). P. 251—299.

Kato 2006 — S. Kato. Taisekaku to basekaku no rehndzokusehi: kakudzési siron. In: Bulletin of the Faculty of Humanities and Human Sciences. Hokkaido University. 2006, 118. S. 135—182. {S. Kato. On the properties of the Japanese accusative/locative case marker. In: Bulletin of the faculty of humanities and human sciences. Hokkaido University. 2006, 118. P. 135—182.}

Kho 2008 — D. Kho. Ido dosi no kaku khedzi to asupehkuto kehisiki to no kankehi: kankokugo to no taise no kantehn kara. In: Nihongo to nikhon bungaku. 2008, 47. S. 39—53. {D. Kho. The relationship between case markers and aspect forms of motion verbs in contrast with Korean. In: Japanese language and literature. 2008, 47. P. 39—53.}

Kolpachkova 2018 — E. N. Kolpachkova. Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v sovremennom kitaiskom yazyke. In: S. S. Sai (otv. red.). Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh. Sbornik statei. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 456—479. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {E. N. Kolpachkova. Marking arguments of two-place predicates in modern Chinese. In: S. S. Sai (ed.). Valence classes of two-place predicates in languages with different structures. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 456—479.}

Konuma 2018 — Yu. Konuma. Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v yaponskom yazyke. In: S. S. Sai (otv. red.). Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh. Sbornik statei. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 440—455. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {Yu. Konuma. Marking arguments of two-place predicates in Japanese. In: S. S. Sai. (ed.). Valence classes of two-place predicates in languages with different structures. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 440—455.}

Kozhanov 2018 — K. A. Kozhanov. Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v tsyganskom yazyke (kehldeharskii dialekt). In: S. S. Sai (otv. red.). Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh. Sbornik statei. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 225—240. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {K. A. Kozhanov. Marking arguments of two-place predicates in the Romani language (Kelderari dialect). In: S. S. Sai (ed.). Valence classes of two-place predicates in languages with different structures. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 225—240.}

Kuznetsov 2020 — A. A. Kuznetsov. Grammatikalizatsiya glagolov dvizheniya v yaponskom yazyke. VKR SPBGU, 2020. {A. A. Kuznetsov. Grammarization of motion verbs in Japanese. Graduate work. Saint Petersburg State University, 2020.}

Letuchii 2013 — A. B. Letuchii. Tipologiya labil'nykh glagolov. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. {A. B. Letuchiy. Typology of labile verbs. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2013.}

- Matsumoto 2016 — K. Matsumoto. Kodaigo no idodosi to kitehn / kehiro. In: Nihongo no kehnkyu. 2016, 12 (4). S. 86—102. {K. Matsumoto. Motion verbs and origin / path in ancient language. In: Studies in Japanese language. 2016, 12. P. 86—102.}
- Miyakeh 1996 — T. Miyakeh. Nihongo no ido dosi no taikaku khedzi ni tsuiteh. In: Gehngo kehnkyu. 1996, 110. S. 143—168. {T. Miyakeh. On accusative case marking by Japanese movement verbs. In: Language Studies. 1996, 110. P. 143—168.}
- Nakao 2012 — Yu. Nakao. Subehteh no “O” va kaku dzesi ka. In: Osaka daigaku sehkai gehngo kehnkyu sehnta ron-syu. 2012, 7. S. 75—88. {Yu. Nakao. Are all accusative cases case particles? In: Issues of International linguistic research center of Osaka University. 2012, 7. P. 75—88.}
- Nevskaya 2005 — I. A. Nevskaya. Prostranstvennyye otnosheniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri (na materiale shorskogo yazyka). Novosibirsk: Nika, 2005. {I. A. Nevskaya. Spatial relations in the Turkic languages of Southern Siberia (based on the Shor language). Novosibirsk: Nika, 2005.}
- Panina 2018 — A. S. Panina. Glagoly padeniya v yaponskom yazyke. In: Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie. 2018, 2. S. 3—13. {A. S. Panina. Falling verbs in Japanese. In: Bulletin of Moscow University. Series 13. Oriental studies. 2018, 2. P. 3—13.}
- Rakhilina 1990 — E. V. Rakhilina. Semantika ili sintaksis? K analizu chastnykh voprosov v russkom yazyke. München: Sagner, 1990. {E. V. Rakhilina. Semantics or Syntax? Answering WH-questions in Russian. Munich: Sagner, 1990.}
- Sai (red.) 2018 — S. S. Sai (otv. red.). Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh. Sbornik statei. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {S. S. Sai (ed.). Valence classes of two-place predicates in languages with different structures. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018.}
- Sergeeva 2018 — E. N. Sergeeva. Markirovanie aktantov dvukhmestnykh predikatov v komi-zyryanskom literaturnom yazyke. In: S. S. Sai (otv. red.). Valentnostnye klassy dvukhmestnykh predikatov v raznostrukturnykh yazykakh. Sbornik statei. Sankt-Peterburg: ILI RAN, 2018. S. 339—353. URL: <https://nenadict.iling.spb.ru/publications/1405> {E. N. Sergeeva. Marking arguments of two-place predicates in the Komi-Zyryan literary language. In: S. S. Sai (ed.). Valence classes of two-place predicates in languages with different structures. Collection of papers. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies Russian Academy of Sciences, 2018. P. 339—353.}
- Sugimoto 1995 — T. Sugimoto. Idokaku no “O” ni tsuiteh. In: Nihongo kehnkyu. 1995, 15. S. 120—129. {T. Sugimoto. About locative accusative marker. In: Studies in Japanese language. 1995, 15. P. 120—129.}
- Sugimoto 2009 — T. Sugimoto. Kakudzesi “O” saiko. In: Nichigo nichibungaku kenkyuu. 2009, 71 (1). S. 3—12. {T. Sugimoto. Reconsideration of the accusative case particle. In: Japanese Language and Literature Studies. 2009, 71 (1). P. 3—12.}
- Sumi 2003 — Yu. Sumi. Ido o aravasu nihongo dosi no imi to kaku khedzi: “vataru” o rehi tositeh. In: Tyubu daigaku dzimbun gakubu kehnkyu ronsyu. 2003, 10. S. 113—132. {Yu. Sumi. Meaning and case marking of Japanese motion verbs: a case study of “wataru”. In: Research issues of faculty of humanities of Chubu University. 2003, 10. P. 113—132.}
- Yo 2004 — E. Yo. Nihongo no “O” kaku purasu ido dosi kobun to taio suru tyugokugo khyogehn. In: Social and Cultural Studies. 2004, 15. S. 129—139. {E. Yo. Japanese accusative case with motion verbs and it’s corresponding in Chinese. In: Social and Cultural Studies. 2004, 15. P. 129—139.}
- Zaliznyak 2002 — A. A. Zaliznyak. “Russkoe imennoe slovoizmenenie” s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu. Moskva: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. {A. A. Zaliznyak. “Russian nominal inflection” with the application of selected works on the modern Russian language and general linguistics. Moscow: Languages of Slavic culture, 2002.}